

М. А. Нагорная

МГУ, Москва

СОСТАВНОЙ РЕФЛЕКСИВ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В статье рассматриваются свойства бурятского составного рефлексива. Бурятский язык относится к монгольской группе алтайской языковой семьи и имеет несколько диалектов. Данные, приведенные в статье, относятся к баргузинскому диалекту и были получены методом элицитации в ходе экспедиции Отделения Теоретической и Прикладной Лингвистики филологического факультета МГУ в улус Барагхан (Баргузинский район, респ. Бурятия) в 2015–2017 гг.

В разделе 2 приведена вводная информация, касающаяся типологии рефлексива и инвентаря анафорических средств в бурятском языке. Раздел 3 посвящен простому рефлексиву и последовательно описывает морфосинтаксис и анафорические свойства соответствующих бурятских местоимений в простой и составной предикации. Следующий раздел посвящен непосредственно составному рефлексиву. Сначала подробно описывается образование составных форм, а затем их анафорические свойства. В разделе 5 проводится параллель между формами составного рефлексива и реципрока, описываются их общие черты и наиболее существенные различия. Далее приводятся возможные пути анализа структуры составного рефлексива. Наконец, выводы представлены в разделе 7.

2. Бурятский рефлексив в типологической перспективе

2.1. К типологии рефлексива

Прототипическим рефлексивным контекстом считается простая предикация с двумя участниками, один из которых имеет агентивную роль, а другой — пациентивную, и оба имеют один и

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

тот же референт (см., например, [Faltz 1977]). Та из составляющих, которая выражается полной именной группой (ИГ), как правило, обладает свойствами подлежащего, а другая, выраженная с помощью рефлексива, в зависимости от языка, может занимать позиции от прямого дополнения при двухместном глаголе до сирконстанта или составляющей актанта того же предиката, и вплоть до позиции ИГ, входящей в финитную зависимую предикацию. В работе [Тестелец, Толдова 1998] представлена универсальная иерархия позиций рефлексива:

Схема 1. Универсальная иерархия позиций рефлексива
[Тестелец, Толдова 1998]

$D_{\text{пр}} (2\text{местн}) < D_{\text{пр}} (\text{битранз}) < \text{Коаргумент} < \text{НеактантИГ} < \text{ИГ}_{\text{нефин}} < \text{ИГ}_{\text{фин}}$

1. прямое дополнение при двухместном глаголе ($D_{\text{пр}} (2\text{местн})$);
2. прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) глаголе ($D_{\text{пр}} (\text{битранз})$);
3. коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим) (Коаргумент);
4. неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим (т. е. сирконстант или составляющая актанта) (НеактантИГ);
5. ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию ($\text{ИГ}_{\text{нефин}}$);
6. ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию ($\text{ИГ}_{\text{фин}}$).

В иерархии представлены все возможные позиции рефлексива, начиная с наиболее локальных (прямое дополнение при двухместном глаголе) и заканчивая позициями, характерными для дистантных рефлексивов (ИГ, входящие в финитную зависимую предикацию).

В своей работе авторы иерархии с ее помощью иллюстрируют ряд типологических свойств рефлексивов и показывают, какие системы маркирования анафорических отношений зафиксированы в языках мира. Наиболее важным эмпирическим обобщением является то, что набор позиций для любого рефлексива может быть представлен как непрерывный отрезок на этой

иерархии. Так, например, если рефлексив появляется в позиции прямого дополнения двухместного предиката и в позиции коаргумента, то он может быть употреблен и в позиции прямого дополнения битранзитивного глагола.

Еще одно важное наблюдение авторов иерархии заключается в том, что составные формы рефлексива (как, например, *сам себя, самого себя* в русском языке) в каждом конкретном языке являются более локальными, то есть занимают крайние левые позиции в иерархии. Распределение простого рефлексива (как *себя* в русском) может быть ограничено оставшимися позициями, а может пересекаться с распределением составного, причем не исключена возможность полного покрытия шкалы ([Тестелец, Толдова 1998]). Как будет показано далее на примере бурятского языка, набор позиций, занимаемых простым и составным рефлексивом, может также полностью совпадать.

2.2. Образование составного рефлексива в языках мира

Формы составного рефлексива, как правило, образуются на базе простого, причем на данный момент зафиксированы только две продуктивные модели: редупликация и добавление интенсификатора. Как отмечено в работе [Лютикова 2002], первая стратегия наблюдается именно в тех языках, где интенсификаторы совпадают с простыми рефлексивами, то есть формально составной рефлексив в обоих случаях может быть представлен в виде сочетания интенсификатора и простого рефлексива. В той же работе приводится объяснение этого факта, опирающееся на наличие в семантике составного рефлексива указания на неожиданность, недефолтность ситуации.

Для наглядности рассмотрим соответствующие единицы в русском языке. Простое рефлексивное местоимение *себя*, которое, в соответствии с грамматикой русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой [1980], является единственным представителем класса возвратных местоимений, всегда функционирует как самостоятельная ИГ и имеет роль в предложении. Например, в следующем предложении местоимение получает роль реципиента или бенефактива:

(1) *Вася построил себе дом.*

Интенсификатор *сам*, который по [Шведова 1980] относится к классу местоименных прилагательных, напротив, всегда

интенсифицирует некоторую ИГ. Так, в предложении (2) он модифицирует подлежащее.

(2) *Вася сам построил дом.*

На примере русского языка также можно заметить, что составной рефлексив представляет собой комбинацию рефлексивного местоимения и интенсификатора. Причем в русском языке для такой комбинации существует два варианта: *Вася построил дом сам себе* или *Вася построил дом самому себе*. В первом предложении *сам* интенсифицирует подлежащее, а во втором — местоимение *себе*, находящееся в позиции дативного аргумента.

В бурятском языке единицы, несущие интенсифицирующую функцию, и единицы, выступающие в роли рефлексивных именных групп, образуются от одних и тех же корней, но, как правило, присоединяют различные показатели. В некоторых случаях, однако, показатели могут совпадать (см. ниже пример с местоимением *бэеэ* в форме инструменталиса, которое может употребляться и как рефлексив при определенных глаголах (3), и как интенсификатор (4)).

(3) *Дугар бэ-ээр-ээ омогорхо-но*

Дугар тело-INSTR-REFL гордиться-PRS

‘Дугар гордится **собой**.’

(4) *Дугар бэ-ээр-ээ гэр бар-яа*

Дугар тело-INSTR-REFL дом строить-PRT I

‘Дугар **сам** построил дом.’

Таким образом, рефлексивы и интенсификаторы в этом языке формально могут выглядеть одинаково, но мы, вслед за [Frajzngier, Walker 2000], будем различать их по дистрибуции: интенсификаторы специфицируют определенные именные группы, а рефлексивы функционируют как самостоятельные ИГ, занимая аргументные позиции.

Так, если мы вернемся к примерам (1) и (2), в первом из них местоимение *себе* однозначно относится к рефлексивам: оно функционирует как самостоятельная ИГ, занимая позицию дативного аргумента, и имеет роль реципиента или бенефактива. Во втором предложении, напротив, *сам* не обладает свойствами ИГ, не получает роли от предиката, лишь интенсифицируя субъект.

Далее будет показано, что бурятский составной рефлексив образуется именно как сочетание рефлексива и интенсификатора, в отличие от бурятского реципрока, образованного в результате редупликации.

3. Бурятские простые рефлексивные местоимения

3.1. Морфосинтаксис

В бурятском языке для выражения кореферентности могут быть использованы два простых рефлексивных местоимения: *өөрөө* и *бэээ*. В ранних грамматиках бурятского языка [Поппе 1938; Порре 1960] и [Санжеев 1962] упоминается первое из них («возвратно-указательное местоимение» в [Санжеев 1962]), но оно описывается только с морфологической точки зрения и рассматривается исключительно в интенсифицирующей функции, как в примере (5).

- (5) *Дугар өөр-өө гэр бар-яа.*
 Дугар сам-REFL дом строить-PRТ1
 ‘Дугар **сам** построил дом.’

Второе местоимение также упоминается в грамматике [Санжеев 1962], но там оно представлено как форма существительного, употребляемая в значении соответствующего возвратно-указательного местоимения.

Примеры (6) и (7) показывают, что оба простые местоимения могут употребляться в крайних левых позициях иерархии позиций рефлексива. Предложение (6) иллюстрирует наиболее типичный контекст для крайней левой позиции иерархии (прямое дополнение при двухместном глаголе), а в предложении (7) рефлексив употреблен в форме датива при неглагольном двухместном предикате.

- (6) *Базар бэ-е-э / өөр-ы-ео зур-аа.*
Базар тело-ACC-REFL сам-CNT²-REFL рисовать-PRT1
'Базар; нарисовал себя.'
- (7) *Дарима бэе-д-ээ / өөр-т-өө дура-тай.*
Дарима тело-DAT-REFL сам-DAT-REFL любовь-COM
'Дарима; любит себя.'

Простое рефлексивное местоимение образуется от корней *өөр-* 'сам' и *бэе-* 'тело' последовательным добавлением падежного и рефлексивного показателей. Рефлексивный показатель *-АА*³ не может быть опущен и употребляется только для выражения кореферентности с субъектом предложения (единственное исключение из этого правила составляет случай с объектным результатом, описанный ниже в разделе 4.3). Если показатель рефлексива заменить на притяжательный суффикс (показатель первого лица *-МНИ*, второго лица *-ШНИ* или третьего лица *-НЬ*), то местоимения теряют возможность кореферентности с-командующему antecedенту и приобретают свойства интенсификатора. В случае с первым и вторым лицом они, как правило, могут интенсифицировать только составляющую, референтом которой является соответственно говорящий или слушающий⁴:

---

² Термин «Connective Case» (или «коннектив»), обозначенный нами как CNT, впервые был введен в [Janhunen 2003] для обозначения особого «связывающего» падежа, употребляющегося в некоторых диалектах монгольского языка на месте утраченных показателей генитива и аккузатива.

В баргузинском диалекте бурятского языка показатель *-Ы-*, а также его алломорф *-Ай-* могут употребляться в позициях, свойственных генитиву и аккузативу, причем как самостоятельно, так и предшествуя показателю генитива или аккузатива.

Так как по свойствам и дистрибуции данный бурятский показатель напоминает монгольский коннектив, в [Колос 2016] для его обозначения было предложено также использовать этот термин.

³ Здесь и далее большой буквой обозначается гармонирующий гласный.

⁴ В сложном предложении, находясь внутри зависимой предикации, рефлексивные местоимения с показателями 1-го (2-го) лица могут относиться не только к говорящему (слушающему), но и к референту субъекта матричной (внутренней) предикации. Эта тема, однако, выходит за рамки данной статьи.

- (8) *Би Саяна-да дура-тай-б, Саяна (нам-да)*
 я Саяна-DAT любовь-COM-1 Саяна я-DAT
өөр-тэ-мни дура-тай.
 сам-DAT-1 любовь-COM
 ‘Я_i люблю Саяну, а Саяна любит **меня**.’

С показателем третьего лица местоимение выступает как интенсификатор для некоторой другой именной группы, не обязательно выраженной:

- (9) *Базар бэе-ы-е-нь зур-аа.*
 Базар тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT1
 ‘Базар_i нарисовал **его самого***.’
- (10) *Дарима өөр-тэ-нь дура-тай.*
 Дарима сам-DAT-3 любовь-COM
 ‘Дарима_i любит **его самого***.’

Референция местоимений в (9)–(10), как правило, определяется дискурсивно, и вне контекста они не могут быть проинтерпретированы однозначно. Исключения составляют употребления, в которых падеж местоимения совпадает с падежом некоторой именной группы, выраженной в предложении. Тогда местоимение служит интенсификатором для этой именной группы, как в (11)–(12).

- (11) *Дарима Баир-та өөр-тэ-нь дура-тай*
 Дарима Баир-DAT сам-DAT-3 любовь-COM
 ‘Дарима любит **самого** Баира.’
- (12) *Базар Арюн-ы-е бэе-ы-е-нь зур-аа*
 Базар Арюна-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT1
 ‘Базар нарисовал **саму** Арюну.’

Как отмечают многие исследователи (см., например, [Лютикова 2002]), в языках мира распространенным явлением является омонимия показателей рефлексива и интенсификаторов, и эти значения зачастую выражаются с помощью одних и тех же единиц. В нашем случае мы не можем говорить о полной омонимии, так как интенсификатор, как правило, имеет показатель третьего лица, а не рефлексива (кроме случаев, когда он относится к субъекту), но важно отметить, что они образуются от одних и тех же двух корней.

Таким образом, простые рефлексивные местоимения могут быть субъектно ориентированными, если конечный показатель рефлексивный, или нет, если вместо него используется показатель третьего лица, причем во втором случае antecedent местоимения не определяется однозначно, если только оно не интенсифицирует выраженную именную группу. Забегая вперед, заметим, что использование составного рефлексива позволяет избежать такой неоднозначности.

3.2. Поведение в сложной предикации

Мы рассмотрим две основные конструкции, использующиеся в бурятском языке для образования сложноподчиненного предложения. Первая из них — конструкция с комплементаризером *ГЭЖЭ*, исторически образованным от глагола ‘говорить’ с помощью деепричастного суффикса (подробнее о свойствах *ГЭЖЭ* в бурятском языке см. [Bondarenko 2017]). Вторая — конструкция с номинализацией, образование которой будет описано ниже.

Находясь внутри зависимой клаузы с комплементаризером *ГЭЖЭ*, субъектно ориентированный простой рефлексив допускает кореферентность только субъекту внутренней клаузы.

- (13) *Бадма Саяна бэе / өөр тухай-гаа*
 Бадма Саяна тело сам о-REFL
хөөрээ-хэ ГЭ-ЖЭ гуй-гаа
 рассказывать-POТ говорить-CONV1 просить-PRT1
 ‘Бадма_i попросил, чтобы Саяна_j рассказала **о себе**_{j/*i}.’

Кореферентность субъекту матричной предикации становится возможной только в конструкции с номинализацией с учетом определенных ограничений. Местоимение *өөрөө* задает более строгие ограничения для возможности дистантного прочтения, то есть в целом оно является более локальным.

Номинализация в бурятском языке образуется с помощью добавления определенных показателей к глагольной основе (подробнее о свойствах номинализаций см. [Bondarenko 2017]). Одной из наиболее частотных является конструкция, при которой к основе глагола последовательно добавляются показатель потенциализа и падежный показатель аккузатива, и в примерах ниже будет представлена именно она. За падежным показателем может следовать показатель рефлексива, если субъект внутренней предикации

кации совпадает с субъектом матричной. В противном случае на этом месте может быть показатель третьего лица, но его присутствие не обязательно.

В односубъектном сложноподчиненном предложении рефлексив, находящийся внутри зависимой предикации, всегда кореферентен субъекту, выраженному в главной клаузе (который и является невыраженным субъектом внутренней):

- (14) *Бадма Нарана-да бэе / өөр тухай-гаа*
 Бадма Нарана-DAT тело сам о-REFL
хөөрээ-хэ-ео хана-на
 рассказывать-POT-ACC.REFL хотеть-PRS
 ‘Бадма_i хочет рассказать Наране_j о себе_i.’

Находясь в разносубъектной конструкции с номинализацией, *бэээ* в определенном контексте может иметь антецедентом субъект матричной предикации, тогда как *өөрөө* не может. Например, в следующем предложении с *бээдээ* дистантная интерпретация возможна и, в соответствии с семантикой, является наиболее предпочтительной, а с *өөртөө* возможна только локальная интерпретация рефлексива.

- (15) *Дугар Наран-ы-е бэе-д-ээ бэшэг*
 Дугар Нарана-CNT-ACC тело-DAT-REFL письмо
бэшээ-х-ы-е гуй-гаа
 писать-POT-CNT-ACC просить-PRT1
 ‘Дугар_i попросил, чтобы Нарана_j написала письмо ему_i / себе_j.’
- (16) *Дугар Наран-ы-е өөр-т-өө бэшэг*
 Дугар Нарана-CNT-ACC сам-DAT-REFL письмо
бэшээ-х-ы-е гуй-гаа
 писать-POT-CNT-ACC просить-PRT1
 ‘Дугар_i попросил, чтобы Нарана_j написала письмо себе_j / *ему_i.’

Находясь в финитной зависимой клаузе, оба рефлексива допускают только локальную интерпретацию, то есть могут быть кореферентны только субъекту зависимой клаузы:

- (17) *Жаргал Саян-ы-е бэе-д-ээ эдээ*
 Жаргал Саяна-CNT-ACC тело-DAT-REFL еда
бэлдэ-нэ гэ-жэ хара-на
 готовить-PRS говорить-CONV1 видеть-PRS
 ‘Жаргал_i видит, как Саяна_j готовит еду себе_j / *ему_i.’
- (18) *Жаргал Саян-ы-е өөр-т-өө эдээ*
 Жаргал Саяна-CNT-ACC сам-DAT-REFL еда
бэлдэ-нэ гэ-жэ хара-на
 готовить-PRS говорить-CONV1 видеть-PRS
 ‘Жаргал_i видит, как Саяна_j готовит еду себе_j / *ему_i.’

4. Бурятский составной рефлексив

4.1. Основные свойства

Простые рефлексивные местоимения не являются единственным способом обеспечения кореферентности, которая также может выражаться с помощью составного рефлексива. Существующие грамматики бурятского языка не содержат упоминаний об этом явлении, и синтаксические свойства бурятского составного рефлексива не были описаны ранее. Составной рефлексив образуется как сочетание двух корней простых рефлексивов, не обязательно одинаковых, которые последовательно присоединяют определенные падежные показатели и показатель рефлексива или третьего лица. Ограничения на взаимное расположение компонентов и присоединяемые показатели будут описаны ниже.

Рассмотрим примеры (19)–(20) с составными формами от рефлексивного корня *бэе-*.

- (19) *Сэсэг бэ-яан-аа бэ-еэр-ээ ай-на*
 Сэсэг тело-ABL-REFL тело-INSTR-REFL бояться-PRT1
 ‘Сэсэг_i сама себя_i боится.’
- (20) *Түмэн Нарана-да бэе-ы-е-нь бэе-дэ-нь*
 Түмэн Нарана-DAT тело-CNT-ACC-3 тело-DAT-3
зур-аа
 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал Наране_i ее саму_i.’

В обоих предложениях первый компонент получает падеж от глагола, а второй интенсифицирует антецедент составного

рефлекси́ва (подробнее о том, чем обусловлен выбор падежей, см. раздел 4.3), хотя обратный порядок следования компонентов также возможен.

В (19) представлен субъектно ориентированный составной рефлексив, где оба компонента присоединяют показатель рефлексива *-АА*. В (20) составной рефлексив кореферентен не субъекту, а именной группе в дативе, и на обоих местоимениях присутствует показатель третьего лица *-НЬ*. Отметим, что дискурсивная интерпретация такого рефлексива — т. е. отсылка к референту, не упомянутому в этой клаузе, — не допускается, так как на одном из его компонентов дублируется падеж антецедента, что подробнее будет описано в разделе 4.3.

Приведем для наглядности таблицу, поясняющую структуру и значение компонентов составного рефлексива в примерах (19)–(20):

Таблица 1. Компоненты составного рефлексива на примере предложений (19)–(20)

	I компонент	II компонент	Антецедент
(19) — субъектно ориентированный составной рефлексив	<i>бэе-яан-аа</i> тело-ABL-REFL 'себя'	<i>бэ-еэр-ээ</i> тело-INSTR-REFL 'сама'	<i>Сэсэг</i> Сэсэг.NOM
(20) — несубъектно ориентированный составной рефлексив	<i>бэе-ы-е-нь</i> тело-CNT-ACC-3 'ее саму'	<i>бэе-дэ-нь</i> тело-DAT-3 'для нее самой'	<i>Нарана-да</i> Нарана-DAT
Значение падежных показателей	Падеж всей рефлексивной ИГ	Падеж антецедента (в опр. случаях NOM ↔ INSTR, подробнее см. раздел 4.3.)	
Семантика	Собственно рефлексив	Интенсификатор (для ИГ, выступающей в роли антецедента)	

Как будет подробнее показано позже, существуют некоторые отклонения от этой схемы, в том числе стоит заметить, что порядок следования компонентов может быть обратным.

Так, например, если в (19) и (20) поменять порядок местоимений, ничего не изменится:

(21) *Сэсэг бэ-ээр-ээ бэ-яан-аа ай-на*
Сэсэг тело-INSTR-REFL тело-ABL-REFL бояться-PRT I
'Сэсэг_i сама себя_i боится.'

(22) *Түмэн Нарана-да бэе-дэ-нь бэе-ы-е-нь*
Түмэн Нарана-DAT тело-DAT-3 тело-CNT-ACC-3
зур-аа
рисовать-PRT I
'Түмэн нарисовал Наране_i ее саму_i.'

Если в (20) падеж антецедента составного рефлексива заметить на аккузатив, то есть на падеж первого из его компонентов, предложение также останется грамматичным и будет значить практически то же самое:

(23) *Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь бэе-дэ-нь*
Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 тело-DAT-3
зур-аа.
рисовать-PRT I
'Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой_i.'

В двух последних предложениях интенсификатор стоит сразу за именной группой, падеж которой он копирует. Можно было бы предположить, что в этом случае местоимения могут интерпретироваться по отдельности, как интенсификатор и простой рефлексив, то есть что пример (23) также допускает интерпретацию 'Түмэн нарисовал саму Нарану для нее', где дативный аргумент может быть кореферентен аккузативному, а может быть проинтерпретирован дискурсивно. Носители, однако, не допускают такой интерпретации, что и дает повод говорить о сочетаниях типа *бэеыень бэедэнь* как о составном рефлексиве, так как они обнаруживают отличные от свойств компонентов анафорические свойства.

Важно отметить, что интенсификатор копирует именно падеж antecedента, а не падеж, получаемый местоимением, оба компонента не могут иметь одинаковый падеж:

- (24) *Түмэн Нарана-да бэе-ы-е-нь бэе-ы-е-нь
 Түмэн Нарана-DAT тело-CNT-ACC-3 тело-CNT-ACC-3
 зур-аа.
 рисовать-PRT I
 Ожид. знач.: ‘Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой.’

Итак, как мы уже заметили, в предложении (23) первый компонент рефлексива несет интенсифицирующую функцию, копируя падеж antecedента, а падеж второго компонента, датив, становится падежом рефлексивной именной группы. Если в этом предложении изменить линейный порядок следования составляющих составного рефлексива, снова получится семантически идентичное предложение:

- (25) Түмэн Наран-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-е-нь
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-ACC-3
 зур-аа.
 рисовать-PRT I
 ‘Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой.’

Если в примере (25) убрать первый компонент рефлексивной именной группы, оставшееся местоимение будет выступать в роли интенсификатора для референциального выражения, падеж которого оно дублирует:

- (26) Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь зур-аа.
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT I
 ‘Түмэн нарисовал **саму** Нарану.’

Если убрать второй компонент, оставшееся рефлексивное местоимение вновь будет проинтерпретировано как интенсификатор для некоторой невыраженной именной группы:

- (27) Түмэн Наран-ы-е бэе-дэ-нь зур-аа.
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 рисовать-PRT I
 ‘Түмэн_i нарисовал Нарану_j для него_(*) / для нее_(j).’

Заметим, что падеж рефлексива теперь не совпадает с падежами других членов предложения. В результате у местоимения

появляется возможность иметь дискурсивного референта, заданного вне предложения. Пример (27) допускает несколько интерпретаций и может значить как то, что Тумэн нарисовал Нарану для самой Нараны (по ее просьбе), так и то, что он нарисовал ее для другого участника, не названного в предложении, если этот участник достаточно активирован в сознании слушающего в момент восприятия (то есть референция определяется дискурсивно). Наличие показателя третьего лица, в свою очередь, исключает возможность кореферентности с субъектом.

В этом случае также можно считать, что местоимение выступает как интенсификатор для синтаксически невыраженной именной группы.

Стоит отметить, что предложение (27) не может значить ‘Тумэн нарисовал саму Нарану’, так как местоимение имеет показатель датива, однозначно указывающий на единственный падеж для именной группы, которую он может интенсифицировать.

4.2. Основа составного рефлексива

В примерах выше в состав рефлексивной именной группы входят местоимения с корнем *бэе-*, однако существуют и аналогичные примеры с *өөр-*, в том числе случаи, когда в составном рефлексиве используются два разных корня:

(28) *хубуун өөр-өө өөр-тэй-гөө зугаал-на*
 мальчик сам-REFL сам-COM-REFL разговаривать-PRS
 ‘Мальчик разговаривает **сам с собой**.’

(29) *Бадма бэ-ээр-ээ өөр-т-өө дура-тай*
 Бадма тело-INSTR-REFL сам-DAT-REFL любовь-COM
 ‘Бадма любит **самого себя**.’

Следующие примеры различаются только выбором корней и не имеют никаких семантических различий. В каждом случае подразумевается, что Сэсэг изначально находится не дома, и Баир просит ее сходить домой.

(30) *Баир Сэсэг-ы-е өөр-тэ-нь өөр-ы-е-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC сам-DAT-3 сам-CNT-ACC-3
ЭЛЬГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой_i.’

- (31) *Баир Сэсэг-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-3
ЭЛЫГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой_i.’
- (32) *Баир Сэсэг-ы-е бэе-дэ-нь өөр-ы-е-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC тело-DAT-3 сам-CNT-ACC-3
ЭЛЫГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой_i.’
- (33) *Баир Сэсэг-ы-е өөр-тэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC сам-DAT-3 тело-ACC-3
ЭЛЫГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой_i.’

4.3. Падежные показатели

Рассмотрим падежные показатели на местоимениях, образующих составной рефлексив. Одно местоимение, как правило, имеет падеж собственно рефлексива, а другое — копирует падеж антецедента.

Однако в некоторых случаях (см. (19) или (29)) один из рефлексивов стоит в инструменталисе, а не в номинативе, как его антецедент. Это происходит исключительно с рефлексивом, образованным от *бэе-*, и объясняется морфологически: у местоимения *бэээ* форма номинатива отсутствует. В соответствии с нашими данными о морфологии бурятского языка форма номинатива выглядела бы так же, как и форма *бэээ*, которая употребляется в контексте аккузатива вместо отсутствующей формы *бэе-ы-е-э <тело-CNT-ACC-REFL>. Но в номинативном контексте *бэээ* нельзя употребить, и интенсифицирующую функцию несет форма инструменталиса *бэээрээ*:

- (34) *Дугар бэ-ээр-ээ / *бэ-е-э гэр*
 Дугар тело-INSTR-REFL тело-ACC-REFL дом
бар-яа
 строить-PRT1
 ‘Дугар сам построил дом.’

Интересно, что в конструкции с объектным результативом рефлексив становится кореферентен не формальному субъекту, а именно агентивному участнику в инструменталисе, и тогда падеж одного из рефлексивов действительно совпадает с падежом antecedента:

- (35) *Энэ гэр Бадм-аар_i бэе-д-ээ*
Этот дом Бадма-INSTR тело-DAT-REFL
бэ-ээр-ээ_i бар-яатай
тело-INSTR-REFL строить-OBJ.RES
'Этот дом был построен Бадмой_i для себя самого.'

С рефлексивом, образованным от *өөр-*, все происходит с точностью до наоборот: интенсифицирующую функцию несет форма номинатива. И в объектном результате, соответственно, один из компонентов составного рефлексива находится в форме номинатива, тогда как antecedент выражается инструменталисом.

- (36) *Энэ шүлэн өюн-аар_i өөр-өө өөр-т-өө_i*
Этот суп Оюна-INSTR сам-REFL сам-DAT-REFL
шан-аатай
варить-OBJ.RES
'Этот суп был сварен Оюной_i для себя самой.'

4.4. Показатели рефлексива и третьего лица

За падежными показателями на каждом из компонентов составного рефлексива следуют показатели рефлексива или третьего лица, причем оба компонента присоединяют один и тот же показатель. В противном случае сочетание двух местоимений не может рассматриваться как единая именная группа, так как antecedенты местоимений различны:

- (37) *Дугар бэ-ээр-ээ бэе-дэ-нь дура-тай*
Дугар тело-INSTR-REFL тело-DAT-3 любовь-COM
{Нарана ненавидит Дугара, а} 'Сам Дугар ее любит.'

Выбор одного из таких показателей накладывает существенные ограничения на анафорические свойства составного рефлексива. Рефлексивные показатели делают составной рефлексив субъектно ориентированным, то есть обязательно кореферентным субъекту предложения (за исключением формы объектного результатава,

где они кореферентны не формальному субъекту, а агенту в инструменталисе, как было показано в предыдущем разделе). Показатели третьего лица, напротив, указывают на наличие неподлежащего с-командующего antecedента.

Напомним, что похожая ситуация наблюдается с простыми рефлексивами: без рефлексивного или личного показателя они не употребляются, с рефлексивным показателем они кореферентны субъекту, а с показателем третьего лица имеют либо дискурсивно заданного референта, не упомянутого в клаузе, либо референта, выраженного неподлежащей именной группой.

(38) *Жаргал_i Дарим-ы-е_j өөр-т-өө_{||*} дууд-аа*
 Жаргал Дарима-CNT-ACC сам-DAT-REFL звать-PRT I
 ‘Жаргал_i позвал Дариму_j; **к себе_{i/*j}**.’

(39) *Дугар_i бэе-ы-нь_{||*} гэрэл соо хар-аа*
 Дугар тело-CNT-3 зеркало в видеть-PRT I
 ‘Дугар_i увидел в зеркале **его_{j/*i} самого_{j/*i}**.’

Различие заключается лишь в том, что составной рефлексив, присоединяя показатели третьего лица, однозначно указывает на совпадение antecedентов местоимений и, следовательно, если одно из местоимений интенсифицирует выраженную именную группу, то только ей может быть кореферентен весь составной рефлексив. Заметим, однако, что такой выраженной именной группы в предложении может не быть.

4.5. Поведение в сложной предикации

В зависимой предикации субъектно ориентированный составной рефлексив обнаруживает свойства, близкие свойствам аналогичного простого рефлексива. Так, находясь внутри зависимой клаузы с *ГЭЖЭ*, он не может иметь дистантного прочтения:

(40) *Түмэн үсэгэлдэр Саян-ы-е_i өөр-өө*
 Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
өөр-т-өө_i бэшэг бэшэ-хэ гэ-жэ
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT говорить-CONV I
нур-аа
 просить-PRT I
 ‘Түмэн вчера попросил Саяну_i; написать письмо **самой себе_i**.’

- (41) *Бадма үсэгэлдэр Наран-ы-е; бэ-ээр-ээ*
Бадма вчера Нарана-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
бэе тухай-гаа; хөөрэ-хэ гэ-жэ
тело o-REFL рисовать-POT говорить-CONV1
нур-аа
просить-PRT1
'Бадма вчера попросил Нарану; рассказать **о самой себе**.'

Как уже было показано выше, в разделе 3.2, простые рефлексивы в зависимой клаузе с *ГЭЖЭ* подвергаются аналогичным ограничениям. В следующих примерах также невозможно дистантное прочтение рефлексива:

- (42) *Түмэн үсэгэлдэр Саян-ы-е; өөр-т-өө;*
Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-DAT-REFL
бэшэг бэшэ-хэ гэ-жэ нур-аа
письмо писать-POT говорить-CONV1 просить-PRT1
'Түмэн вчера попросил Саяну; написать письмо **себе**.'

- (43) *Бадма үсэгэлдэр Наран-ы-е бэе тухай-гаа*
Бадма вчера Нарана-CNT-ACC тело o-REFL
хөөрэ-хэ гэ-жэ нур-аа
рисовать-POT говорить-CONV1 просить-PRT1
'Бадма вчера попросил Нарану; рассказать **о себе**.'

В конструкциях с номинализациями, где простой рефлексив *бэээ* в определенных случаях, по мнению многих носителей, может быть кореферентен субъекту матричной клаузы, составной рефлексив, образованный от корня *бэе-*, ведет себя таким же образом.

- (44) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е; бэ-ээр-ээ*
Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
бэе-д-ээ_{ij} бэшэг бэшэ-х-ы-е
тело-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
нур-аа
просить-PRT1
'Түмэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j** / %**себе самому_i**.'⁵

---

⁵ Знак % означает, что интерпретация допускается не всеми носителями, мнения носителей расходятся.

В случае с составным рефлексивом, образованным от *өөр-*, в аналогичном контексте кореферентность субъекту матричной предикации не допускается:

- (45) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j өөр-өө*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
өөр-т-өө_j бэшэг бэшэ-х-ы-е
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
нур-аа
 просить-PRT1
 ‘Түмэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_{j/i}**.’

Если составной рефлексив образован от двух разных корней, наличие дистантной интерпретации для большинства носителей зависит от основного компонента, отражающего позицию рефлексива, тогда как корень интенсифицирующего компонента не принимается во внимание.

- (46) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j бэ-ээр-ээ*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
өөр-т-өө_j бэшэг бэшэ-х-ы-е
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
нур-аа
 просить-PRT1
 ‘Түмэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j**.’

- (47) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j өөр-өө*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
бэе-д-ээ_{ij} бэшэг бэшэ-х-ы-е
 тело-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
нур-аа
 просить-PRT1
 ‘Түмэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j / %себе самому_i**.’

Суммируя вышесказанное, приведем таблицу, обобщающую основные свойства простых рефлексивных местоимений и составного рефлексива:

Таблица 2. Основные свойства простого и составного рефлексива

	Простой рефлексив от <i>бэе-</i>	Простой рефлексив от <i>өөр-</i>	Составной рефлексив с первым компонентом от <i>бэе-</i>	Составной рефлексив с первым компонентом от <i>өөр-</i>
Какие позиции может занимать	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной
Однозначно ли определяется antecedent (субъектно ориентированный случай)	да	да	да	да
Однозначно ли определяется antecedent (несубъектно ориентированный случай)	нет	нет	да	да
Допускается ли дистантное прочтение в зависимой клаузе с номинализацией	Как правило, да	Как правило, нет	Как правило, да	Как правило, нет
Допускается ли дистантное прочтение в зависимой клаузе с комплементаризацией <i>гэжэ</i>	Как правило, нет	Нет	Как правило, нет	Нет

Под первым компонентом составного рефлексива в Таблице 2 подразумевается не линейно первый компонент, а тот, который имеет значение собственно рефлексива (а не интенсификатора) и несет падеж всей рефлексивной именной группы.

5. Параллель с реципроком

Образование составного рефлексива в бурятском языке можно сравнить с русской реципрокальной конструкцией *друг друга*. Корень *друг* дублируется, однако первый элемент упот-

ребляется с нулевым падежным показателем, вне зависимости от позиции реципрока:

(48) *Мальчики написали друг другу письма.*

(49) *Машиа представила Петю и Васю друг другу.*

В первом случае антецедент — подлежащее, во втором — прямое дополнение, выраженное именной группой в аккумулятиве, но первый компонент составного рефлексива в обоих случаях имеет форму *друг*.

Любопытно заметить, что и в бурятском языке реципрок выражается аналогичным образом. Омонимия или, по крайней мере, этимологическое родство единиц, выражающих значения рефлексива и реципрока — достаточно распространенное явление ([Лютикова 2002]), поэтому мы не видим оснований для того, чтобы считать эти факты связанными. В качестве основы бурятского реципрока выступают те же корни, что и при образовании составного рефлексива, но здесь это обязательно два одинаковых корня: либо два *бэе-*, либо два *өөр-*. На первом компоненте отсутствуют какие-либо показатели (он употребляется в виде чистой основы, а не в форме номинатива, так как в противном случае он присоединял бы показатель рефлексива или третьего лица), а на втором компоненте появляется падеж, соответствующий синтаксической позиции самого местоимения, а затем показатель рефлексива (если реципрок кореферентен субъекту) или третьего лица (в остальных случаях):

(50) *Эдэ хүбүүд бэе бэ-яан-аа ай-даг*
 Эти мальчик-PL тело тело-ABL-REFL бояться-NAV
 ‘Эти мальчики боятся друг друга.’

(51) *Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е өөр*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC сам
өөр-тэ-нь хар-уул-аа
 сам-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 ‘Жаргал представил Нарану и Дариму друг другу.’

Следующие примеры показывают, что формы реципрока, в отличие от составного рефлексива, не могут образоваться от двух разных корней:

- (52) *Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е бэе*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC тело
бэе-дэ-нь хар-уул-аа
 тело-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (53) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е өөр*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC сам
бэе-дэ-нь хар-уул-аа
 тело-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (54) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е бэе*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC тело
өөр-тэ-нь хар-уул-аа
 сам-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- К тому же, компоненты реципрока не могут меняться местами (ср. (52) и (55)) и линейно неразрывны (ср. (57) и (58)):
- (55) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC
бэе-дэ-нь бэе хар-уул-аа
 тело-DAT-3 тело видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (56) *хүбүү-д өөр өөр-т-өө магазин-наа ном*
 мальчик-PL сам сам-DAT-REFL магазин-ABL книга
аб-аа
 взять-PRT1
 ‘Мальчики в магазине купили **друг другу** книги.’
- (57) **хүбүү-д өөр магазин-наа өөр-т-өө ном*
 мальчик-PL сам магазин-ABL сам-DAT-REFL книга
аб-аа
 взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Мальчики в магазине купили **друг другу** книги.’
- (58) *хүбүү-д өөр-өө магазин-наа өөр-т-өө*
 мальчик-PL сам-REFL магазин-ABL сам-DAT-REFL

НОМ   *аб-аа*
 книга   взять-PRT1
 ‘Мальчики в магазине купили книги **сами себе**.’

Пример (57) не грамматичен, местоимения не могут быть проинтерпретированы ни как реципрок (ожидаемое значение), ни как составной рефлексив, то есть значить ‘сами себе’, как в (58). Последняя интерпретация допускается только в том случае, когда оба местоимения содержат показатель рефлексива (или третьего лица, если рефлексив не субъектно ориентированный).

Насчет интерпретации примера (58) также следует добавить, что точно такое же значение предложение имело бы без интенсификатора *өөрөө*, и с этим может быть связана разрывность составного рефлексива. Как мы можем заметить, его составляющие могут разрываться обстоятельственными наречиями. По поводу разрывности бóльшими составляющими носители не всегда сходятся во мнении.

Важно заметить, что формы *өөр* и *бэе* вообще не могут употребляться отдельно, вне форм реципрока:

(59) *Баир   *өөр* *НОМ*   *аб-аа*
 мальчик-PL   сам   книга   взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Баир сам купил книгу.’

(60) *Баир   *бэе* *НОМ*   *аб-аа*
 мальчик-PL   тело   книга   взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Баир сам купил книгу.’

Таким образом, образование реципрока похоже на редупликацию, тогда как составной рефлексив проще анализировать как сочетание рефлексива и интенсификатора.

6. Анализ

Итак, бурятский составной рефлексив представляет собой сочетание двух местоимений, имеющих определенные показатели. Хотя его образование, как и образование реципрока, на первый взгляд напоминает редупликацию, некоторые различия в их свойствах указывают на то, что в случае с составным рефлексивом мы имеем дело с более сложным процессом.

Во-первых, в образовании составного рефлексива могут одновременно принимать участие две различные рефлексивные основы, что недопустимо в случае реципрока (ср. (32)–(33) и (53)–(54)).

Во-вторых, даже если составной рефлексив образуется от двух одинаковых корней, каждый из его компонентов имеет свой падежный показатель, из чего можно сделать вывод, что компоненты изначально занимают различные позиции в структуре предложения. В формах реципрока в качестве первого компонента выступает чистая основа, а падежом маркируется только второй компонент.

Более того, падеж одного из компонентов составного рефлексива обязательно совпадает с падежом (выраженного или нет) другого члена предложения. Наконец, как мы показали выше, компоненты составного рефлексива разрывны и могут следовать друг за другом в любом порядке, что неграмматично в случае с реципроком (ср. примеры (19)–(22), (52), (55) и (57)–(58)).

Основная идея анализа заключается в том, что интенсифицирующий компонент составного рефлексива и именная группа, падеж которой он копирует, в некоторый момент деривации занимают одну позицию, образуя одну составляющую. В пользу такого анализа как раз свидетельствует возможность разрывного употребления составного рефлексива и нахождения компонента, копирующего падеж, в локальной близости к antecedенту местоимения (см. пример (58)).

Похожий анализ был представлен в работе [Heim et al. 1991] для английского реципрока *each other*. Авторы выдвинули предположение о том, что в LF (логическая форма) соответствующих предложений *each* входит в одну составляющую с подлежащим, а сам реципрок выглядит как [e other], где e — след *each*:

- (61) The men saw each other =>
=> [s<sub>[NP_[NP the men]₁ each₂] [VP saw [NP e₂ other]₃]]
[Heim et al. 1991: 66]</sub>

Наше предположение заключается в том, что в бурятском языке на некотором этапе деривации составного рефлексива его компоненты также находятся на разных структурных позициях: тот компонент составного рефлексива, который копирует падеж antecedента, в определенный момент входит с ним в одну состав-

ляющую. Именно тогда, находясь в одной составляющей, они и получают падеж.

Напомним, что компонент, дублирующий падеж антецедента, сам по себе несет интенсифицирующую функцию и может употребляться без составного рефлексива, как в примере (26):

- (62)=(26) *Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь*
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3
зур-аа
 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал **саму** Нарану.’

Аналогичным образом интенсификатор субъекта также может употребляться самостоятельно:

- (63)=(5) *Дугар өөр-өө гэр бар-яа*
 Дугар сам-REFL дом строить-PRT1
 ‘Дугар **сам** построил дом.’

Если местоимение не копирует падеж другого участника (как *бээдэнь* в примере (64)), но выше в структуре клаузы содержится сочетание (*референциальное выражение + интенсификатор*), имеющее тот же посессивный показатель — рефлексива или третьего лица, то местоимение обязательно становится кореферентно этой составляющей:

- (64) *Баир Наран-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-3
эльгээ-гээ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Нарану; **к ней самой**.’

В таком случае сочетание местоимения и интенсификатора следует анализировать как составной рефлексив, так как вместе они приобретают особые анафорические свойства, обеспечивая кореферентность двух именных групп.

Если же такое местоимение (как *бээдэнь* в (64)) не копирует падеж другого участника и не может быть связано составляющей, в которой референциальное выражение сочетается с интенсификатором (такой как *Нараные бээынь*), оно ведет себя

как интенсификатор для нулевого аргумента (местоимения с дискурсивно заданным референтом):

- (65) *Дугар; бэе-дэ-нь^(*) дура-тай*
 Дугар тело-DAT-3 любовь-COM
 ‘Дугар; любит **его самого**^(*).’

Заметим, что сочетания типа *бэедэнь бэеынь* также могут использоваться без выраженного кореферентного им участника ситуации (без соответствующего референциального выражения):

- (66) *Дугар бэе-нээ-нь бэе-дэ-нь ном аба-ба*
 Дугар тело-AVL-3 тело-DAT-3 книга брать-PRT2
 ‘Дугар купил у нее; книгу для нее самой.’

В предложении (66) кореферентность местоимений, возможно, обусловлена еще и тем, что оба они несут интенсифицирующую функцию, а в одном предложении выделяется, как правило, не более одного участника, поэтому сложно интерпретировать данное сочетание как два некорреферентных интенсификатора.

Этим же прагматическим принципом может объясняться и обязательная кореферентность местоимения группе *референциальное выражение + интенсификатор*, находящейся в том же предложении (как в примере (64)).

Кроме того, существует запрет на наличие в одном предложении двух различных групп вида *референциальное выражение + интенсификатор*:

- (67) **Оюна Саяна-наа бэе-нээ-нь Дугар-та*
 Оюна Саяна-AVL тело-AVL-3 Дугар-DAT
бэе-дэ-нь ном аба-ба
 тело-DAT-3 книга брать-PRT2
 Ожид. знач.: ‘Оюна купила книгу у **самой** Саяны для **самого** Дугара.’

Это также может объясняться упомянутыми выше правилами прагматики, не позволяющими выделить в одном предложении более одного участника.

Для дальнейших исследований остается, однако, ряд нерешенных вопросов, затронутых нами косвенно или частично. Так, во-первых, неясно, как именно и в какой момент в структуре

составного рефлексива происходит замена номинатива на инструменталис в случае с местоимением *бэээрээ*. Если это местоимение точно так же, как и *өөрөө*, получает падеж, находясь в одной составляющей с субъектом предложения, то в наиболее распространенном случае это должен быть номинатив. Практически замена падежа объясняется тем, что, как мы показали выше в разделе 4.3, в парадигме местоимения от основы *бэе-* отсутствует нужная форма (рефлексивный номинатив). В данной работе, однако, мы не приводим никакого структурного объяснения и анализа предпосылок для такой замены и оставляем этот вопрос для дальнейших исследований.

Во-вторых, существует дополнительное ограничение для групп *референциальное выражение + интенсификатор*: они не могут следовать в обратном порядке, то есть в общем случае интенсификатор не может стоять перед выражением, которое он интенсифицирует:

- (68) **Баир бэе-ынь Наран-ы-е зур-аа*
 Баир тело-АСС-3 Нарана-СНТ-АСС рисовать-РРТ1
 Ожид. знач.: ‘Баир нарисовал **саму** Нарану.’

Причины возникновения такого запрета пока не полностью ясны, но мы надеемся осветить их в последующих работах.

7. Заключение

Формы составного рефлексива в бурятском языке образуются на основе двух корней простых рефлексивных местоимений, причем могут быть использованы как два одинаковых корня, так и два разных. Один из корней получает падеж всей рефлексивной именной группы, а другой интенсифицирует антецедент рефлексива, как правило, копируя его падеж. Таким образом, составной рефлексив имеет более широкие возможности по сравнению с простым: он не только может однозначно указывать на субъект, но и позволяет выразить кореферентность участнику, находящемуся в несубъектной позиции.

Составной рефлексив, как и простой, в иерархии, предложенной в [Гестелец, Толдова 1998], охватывает все позиции, начиная с левого края (прямое дополнение) и до нефинитной

зависимой предикации (включительно — только для местоимений, образованных от корня *бэе-*).

Формы реципрока в бурятском языке содержат те же корни, что и составной рефлексив, однако его компоненты не могут разрываться, и первый компонент, не присоединяющий никаких показателей, не употребляется самостоятельно. Поэтому мы не предполагаем наличия унифицированного анализа образования этих форм и оставляем анализ форм реципрока для дальнейшего исследования.

Тем не менее, как можно заметить, образование бурятского реципрока напоминает процесс редупликации: основа рефлексива дублируется, и деривационные показатели присоединяются ко второму из компонентов. В случае с составным рефлексивом мы наблюдаем бóльшую вариативность и предполагаем, что его деривация представляет собой более сложный процесс.

Копирование падежа антецедента на одной из частей составного рефлексива говорит о том, что на каком-то этапе синтаксической деривации они образуют одну составляющую. Это подтверждается и возможностью употребления их в качестве сочетания вида *референциальное выражение + интенсификатор*, а также возможностью их появления в локальной близости в случае с составным рефлексивом.

В дальнейшем исследовании предполагается решить некоторые смежные теоретические вопросы, а также проанализировать структуру бурятского реципрока.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CNT — коннектив; COM — комитатив; COMP — комплементар; CONV1 — конверб; DAT — датив; HAB — хабитуалис; INSTR — инструменталис; OBJ.RES — объектный результатив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT1/PRT2 — прошедшее время; REFL — рефлексив.

Литература

Колос 2016 — Е. Г. Колос. Об оформлении прямого дополнения и посессора ИГ в баргузинском диалекте бурятского языка // Д. Ф. Мищенко (ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для мо-

- лодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 70. [E. G. Kolos. Ob oformlenii pr'amogo dopolneniia i posessora IG v barguzinskom dialekte bur'atskogo iazyka [On the direct object and NP possessor marking in Barguzin Buryat] // D. F. Mischenko (ed.). Trinadtsataia Konferentsia po tipologii i grammatike dlia molodykh uchenykh. Tezisy dokladov i leksi. (Sankt-Peterburg, 24–26 noiabria 2016 g.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. P. 70].
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [E. A. Liutikova. Kognitivnaia tipologiia: refleksivy i intensifikatory [Cognitive typology: reflexives and intensificators]. М.: IMLI RAN, 2002].
- Поппе 1938 — Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М. — Л.: изд. Академии наук СССР, 1938. [N. N. Poppe. Grammatika buriat-mongol'skogo iazyka [Buryat-Mongol grammar]. М. — L.: izd. Akademii nauk SSSR, 1938].
- Санжеев 1962 — Г. Д. Санжеев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1962. [G. D. Sanzheev (ed). Grammatika buriatskogo iazyka: Fonetika i morfologiia [Buryat grammar: Phonetics and morphology]. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1962].
- Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания 3, 1998. С. 35–57. [Ja. G. Testelets, S. Iu. Toldova. Refleksivnye mestoimeniia v dagestanskikh iazykakh i tipologiia refleksiva [Reflexive pronouns in the Dagestania languages and the typology of the reflexive] // Voprosy iazykoznanii 3, 1998. P. 35–57].
- Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. [N. Iu. Shvedova. Russkaia grammatika [Russian grammar]. Vol. 1. М.: Nauka, 1980].
- Bondarenko 2017 — Т. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement // Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 12). MIT Working Papers in Linguistics 83, 2017.
- Faltz 1977 — L. Faltz. Reflexivization: A study in universal syntax. Doctoral dissertation, University of California, Berkley, 1977.
- Frajzyngier, Walker 2000 — Z. Frajzyngier, T. Walker (eds.). Reflexives: forms and functions. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000.
- Heim et al. 1991 — I. Heim, H. Lasnik, R. May. Reciprocity and Plurality // Linguistic Inquiry 22, 1, 1991. P. 63–101.
- Janhunen 2003 — J. Janhunen. On taxonomy of nominal cases in Mongolic // Altai Hakpo 13. Seoul: The Altaic Society of Korea, 2003. P. 83–90.
- Poppe 1960 — N. Poppe. Buriat Grammar. The Hague: Indiana University Publications, 1960.